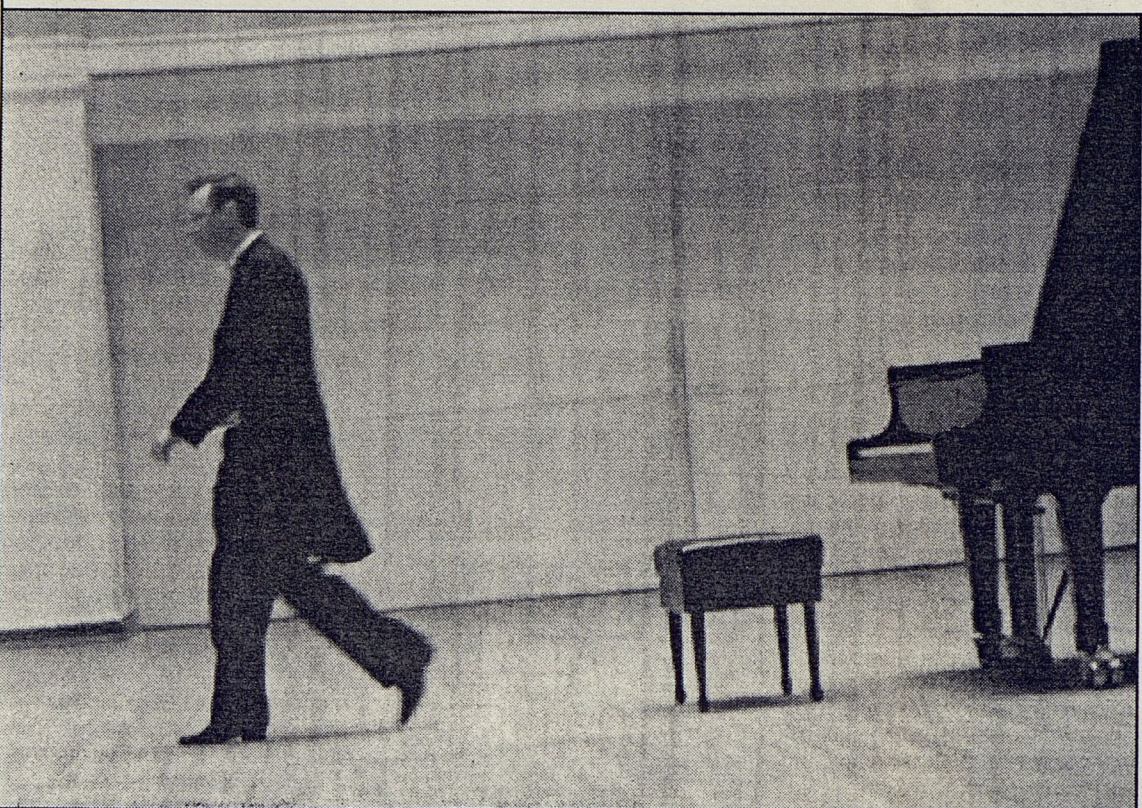
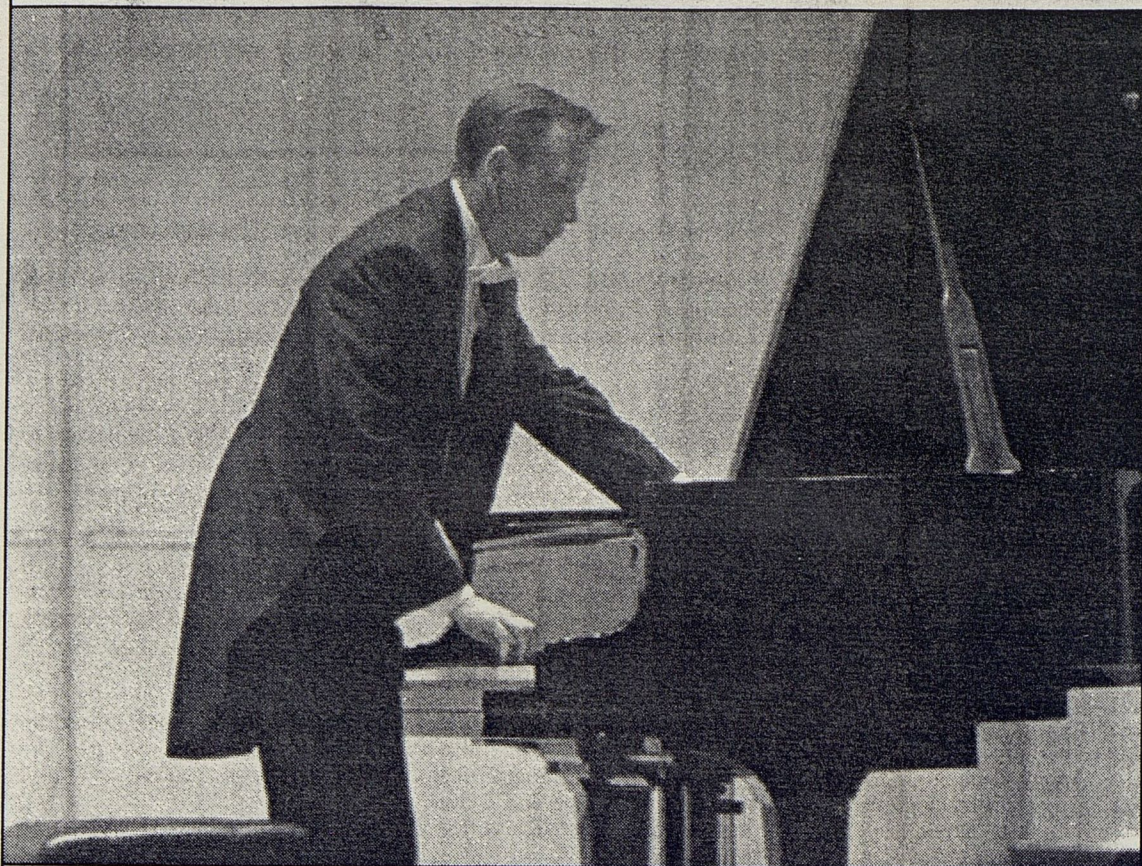

ПЛЕТНЕВ БЕЗ САНТИМЕНТОВ

СБЕЖАВШИЕ ПРОГАДАЛИ

Вот клуб -
2000 - 6 мая -
а 5.

Концерт Российского национального оркестра.
Большой зал консерватории

На взгляд иностранца, по поведению консерваторской публики можно было понять, что Михаил Плетнев тут — фигура культовая. В первом отделении я не видел свободных мест: публика пришла посмотреть на мэтра. Но после антракта многие ушли, не досидев до Десятой симфонии Шостаковича. Самое удивительное, продолжали уходить и во время музыки, даже в тишайшие моменты конца третьей части. Что-то я такого бескультурья в Консерватории раньше не встречал.

Столь откровенное пристрастие к Плетневу мне понятно. Пианист этот завоевывает слушателей своей блестящей техникой и драматизмом игры. Я тоже люблю его за эти качества. Но еще больше — за ясность и яркость звукоизвлечения, за сдержанность, чуткость и интеллект. Ведь Плетнев — один из немногих исполнителей, которые с равным успехом могут взяться за любую музыку. Моцарта он играет не хуже, чем Рахманинова. Я лично не слышал, какой у него Бах, но почему-то уверен, что это ему удастся.

В Лондоне три года назад я попал на концерт, где Плетнев играл «Карнавал». Шумановские циклы — это

настоящая ловушка для исполнителя. Даже очень хорошие пианисты порой играют их прескверно, прозевывают массу деталей. А Плетнев сыграл Шумана на одном дыхании и не стер ни одного нюанса. Во второй части лондонского клавирабенда прозвучала соната Листа: произведение тоже многосоставное, но эпизоды там покрупнее. И опять живой, чуткий, но синтезирующий интеллект Плетнева полностью себя проявил.

О плетневской сдержанности — особый разговор. Хотя я и упоминал о его многогранности, главное место в своих гастрольных концертах Плетнев отводит XIX веку. Но век у него не такой, как у всех. Тут я не знаю лучшего примера, чем его дирижерские работы. Особенно запомнился цикл произведений Чайковского, исполненный РНО опять же в Лондоне. После увертюры к «Ромео и Джульетте» публика была в шоке, словно ее опустили в ледяную воду. Впервые мелодия зазвучала без лишних сантиментов, без стремления к эмоциональным эффектам. Не всем это понравилось. Но я моментально проникся к Плет-

неву новым уважением. Ведь это было сыграно таким странным образом не из некой педантичности, но чтобы ее осветить, сделать еще более насыщенной.

А теперь ближе к делу, то есть к московскому концерту. Должен сказать, что первое отделение меня сильно разочаровало. Впрочем, виноват в этом не пианист, а сочинение. Второй концерт Чайковского относится к числу откровенно слабых, недаром забытых. Музыкальный материал, мягко говоря, скромный и развивается не самым интересным образом. Первая часть длится около 30 минут, и ее стоило бы сократить вдвое — эдакая вереница плохо мотивированных каденций.

Но от второго отделения концерта впечатления остались совсем другие. В Десятой симфонии Шостаковича РНО под управлением Пааво Ярви показал, на что он способен. И тем самым напомнил, что заслуга Плетнева, создателя оркестра, не только пианистическая, но и общекультурная.

Стивен ЛОВЕЛЛ

СТАРЫЕ ГРЕХИ КАШИ НЕ ИСПОРТИЛИ

Михаил Плетнев в цикле "Новый век российского пианизма".
Концертный зал им. Чайковского

Искусство для искусства, полвека битое за упадочную буржуазность, сегодня — едва ли ни единственное средство от пошлости. Идеальный пример — творчество Михаила Плетнева.

В Плетневе все свидетельствует о демонстративном избрничестве, роднящем его с Софроничским или Юдиной. Он выходит на концертную эстраду не справа, как все, а слева. Идет к роялю не быстро и уверенно, а очень медленно и даже скорбно, словно преодолевая внутренние сомнения. А после концерта старается как можно быстрее и незаметней улизнуть — прочь от назойливой толпы.

Но у рояля, углубляясь в тайны своего «я», священнодействует. Открывает заново универсальный клавишный инструмент, которому не

страшна никакая модная аутентичность. В этом смысле абсолютно сенсационным можно назвать его исполнение Партиты № 6 Баха, посрамившее, можно сказать, все клавишинные интерпретации. Тончайшей интеллектуальной и технической работой, духом импровизации в состоянии созерцания, почти нами забытом. Поразила виртуозная дешифровка всех баховских украшений а ля фиоритуры в итальянских операх.

Последняя Соната Бетховена № 32 — давно известный исполнительский шедевр Михаила Плетнева, о котором еще в 1978 году, в дни Шестого конкурса Чайковского, Лев Венский говорил: «Считаю вершиной конкурсного творчества Плетнева Ариетту из Сонаты Бетховена». Сам Михаил Васильевич называет это со-

чинение одним из самых возвышенных у композитора. Сегодня пианист вновь упивается контрастами этой титанической музыки: от могучей, прометеевской главной темы до почти бесплотных звуковых растворов в финале. Но и грехи демонстрирует старые: тягу к аскетизму, суховатой графике и химическим опытам на грани «звук-незвук».

Четыре скерцо Шопена, быть может, и дали бы антагонистам Плетнева лишний повод объявить его антишопенистом — кабы не сыгранный им на бис ре-бемоль-мажорный Ноктюрн: подлинный поэт фортепьяно вдруг заговорил с нами артистическим языком старого Нейгауза.

Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

К концу Третьего скерцо Шопена лопнула струна. И так не любящий позировать фотографам Михаил Васильевич невольно создал неожиданную мизансцену. Попытки вытянуть обрывок струны были безуспешны. Донграв Шопена, пианист, безнадежно махнув рукой, добавил на бис «Горовицкий» Этюд Мошковского: тихое, легкое, ровное и стремительное пианиссимо — скорее фокус назло этому роялю с демонстрацией превосходства человека над механикой.

Фото: Николай ЛОГИНОВ

АТЯСЕМ ОГОРОЛС — С ЛЮБОГО МЕСЯЦА